

ТАТЬЯНА БУЛГАКОВА



ВОРОНЦОВ  
ПОСТОЯЛЫЙ  
ДВОР

# Ночной Тракт

Ночной тракт

Татьяна Булгакова

**Ночной тракт**

«Автор»

2026

## **Булгакова Т.**

Ночной тракт / Т. Булгакова — «Автор», 2026 — (Ночной тракт)

После развода Ева получает неожиданное наследство — старый постоянный двор. Чтобы дом остался ей, нужно провести в нём двадцать девять ночей подряд, до 31 октября. В первую же ночь выясняется: после полуночи сюда приходят гости с Ночного тракта — дороги, которой почти сто лет нет на картах. И некоторые из этих гостей давно мертвы. Северин Чернов знает о доме слишком много. И совершенно одинаково выглядит на фотографиях 1913 и 1998 годов. Бабушка оставила Еве правила: не открывать заднюю дверь; после 00:13 впускать того, кто постучит трижды; Северину не верить безоговорочно. И одну фразу: «Твоя мать не умерла там, где тебе сказали». Чем ближе 31 октября, тем чаще Ночной тракт подходит к дому. И Ева узнаёт: удержать границу могут только Хозяйка и Хранитель. Для этого им придётся заключить договор. Только здесь такой договор по старинке называют браком.

© Булгакова Т., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                     |    |
|-------------------------------------|----|
| Глава 1. Восемь лет                 | 5  |
| Глава 2. Дом, которого нет на карте | 10 |
| Глава 3. Последнее правило бабушки  | 18 |
| Глава 4. Первый постоялец           | 29 |
| Конец ознакомительного фрагмента.   | 30 |

# Ночной тракт

## Глава 1. Восемь лет

У нотариуса был стол с отделкой под орех. На правом углу кромка отошла миллиметра на два, и я смотрела на неё, пока Антон подписывал последнюю страницу соглашения. Два миллиметра я умела исправить. Восемь лет — нет.

— Здесь и здесь, — сказал нотариус и подвинул лист ко мне.

Я расписалась дважды. На второй подписи ручка перестала писать; пришлось провести по полю ещё раз. Нотариус дал свою. Антон сидел напротив, положив ладони на колени, и не смотрел на меня. За восемь лет я знала этот его способ ждать неприятного разговора: не трогать вещи на столе, не поправлять часы, держать спину слишком прямо.

Нотариус собрал бумаги, разложил наши экземпляры по папкам и объяснил то, что уже объяснял сорок минут назад. Я слушала и по привычке сверяла итог. Выписка. Соглашение. Копия доверенности по машине. Никаких общих счетов. Никаких совместных обязательств, о которых я не знала. Последний пункт был особенно полезен.

Ещё весной я не смогла бы с уверенностью сказать, на чьё имя оформлен кредит на студию. Мне казалось, это нормально. Антон занимался банком, я — проектами. Он разговаривал с бухгалтерией, я — с подрядчиками. У нас была семья, а не ООО, зачем считать, кто за какую бумагу отвечает. Теперь ООО осталось Антону. Вместе с кредитом. Мне — машина, остаток на общем счёте и два клиента, один из которых третий день не отвечал на сообщения.

— Всё, — сказал нотариус.

Антон поднял голову. Я закрыла папку. Слово оказалось будничным. Никакого щелчка внутри, никакой пустоты в животе. Просто всё. Можно было надеть пальто, проверить, не забыта ли перчатка, и освободить кабинет следующим людям.

На улице моросило: мелкая вода висела в воздухе и через пять минут оказывалась под воротником. Антон придержал мне дверь. Я машинально сказала «спасибо» и сразу разозлилась на себя за раздражение: привычка быть вежливой не означала, что брак продолжается. Его машина стояла у тротуара. На заднем сиденье лежали белые пионы.

Сезон давно закончился. Значит, их либо заказывали заранее, либо специально искали. Большой плотный букет, серо-зелёная бумага, лента без блеска. Такие вещи никогда не получаются случайно. На втором свидании Антон принёс мне белые пионы и полтора часа извинялся, что не догадался спросить, люблю ли я цветы вообще. Я тогда сказала, что люблю.

Сейчас вспомнила не его лицо, а вазу — узкую, неправильную для пионов. Стебли пришлось обрезать ножом для хлеба, потому что другого у меня не было.

— Ева.

Я уже спустилась с крыльца.

— Что?

Антон остановился на верхней ступеньке. Он выглядел уставшим, но не несчастным.

— Ты нормально доедешь?

— До куда?

— Ну... домой.

Домом пока была квартира Лизы, куда я перевезла две коробки вещей. Моих вещей оказалось меньше, чем я думала. Половина кухни, например, юридически никогда не была моей проблемой: чайник купил Антон, кофемашину — фирма, стол достался от его родителей.

— Доеду.

Он кивнул, но не ушёл.

— Если с деньгами будет...

Он не закончил.

— Что?

— Ничего. Просто первое время. Если вдруг.

Вот это я поняла сразу.

— Не надо.

— Я не про алименты, Ева.

— У нас нет детей. Было бы странно.

Он сжал губы. Раньше это означало: сейчас скажет что-нибудь осторожное, чтобы я не обиделась. Я раньше считала эту осторожность заботой. Возможно, иногда так и было.

— Я могу перевести тебе ещё. Не сейчас, потом. Без... — Он поискал слово. — Без условий.

Мне стало жарко под мокрым пальто. На общем счёте оставалось достаточно, чтобы несколько месяцев платить за аренду, еду и бензин, если не случится ничего крупного. Вчера я считала это в таблице. С тремя вариантами: оба клиента платят; платит один; не платит никто. Третий вариант заканчивался неприятно быстро.

— У меня работа, — сказала я.

Это было не совсем ложью. Работа действительно была. Денег от неё пока не было. Антон посмотрел на меня чуть дольше, чем нужно. Я знала, что он умеет замечать такие вещи. Но он только сказал:

— Хорошо.

Телефон у него в кармане завибрировал. Антон не достал его. Мне не нужно было видеть имя.

— Тебя ждут.

— Она может подождать.

Я перевела взгляд на пионы.

— Не надо заставлять человека ждать с цветами в машине. Они и так недолго стоят.

Антон опустил глаза. Я сразу пожалела о фразе: слишком легко получилось попасть именно туда, куда я целилась.

— Ева, я правда не хотел, чтобы всё закончилось так.

— Я знаю.

Это было хуже любого ответа на вопрос, как именно он хотел, чтобы всё закончилось. Я перешла дорогу к своей машине. Правый задний фонарь всё ещё был треснут. Я месяц собиралась заказать новый плафон и каждый раз находила что-нибудь важнее. На панели две недели горел датчик давления в правом переднем колесе. На шиномонтаже сказали, что датчик врёт.

Я открыла машину и положила синюю папку на пассажирское сиденье. Она была почти пустой: несколько листов, две прозрачные вкладки, копия паспорта. Я купила её утром, потому что среди вещей после переезда не нашлось ни одной свободной папки. Телефон зазвонил, пока я пыталась пристроить зонт так, чтобы он не залил сиденье. Номер был незнакомый. Я сбросила. Он позвонил снова. На третий раз я ответила.

— Да.

— Евгения Андреевна Воронцова?

Я перестала бороться с зонтом. Так меня называли банки, государственные учреждения и мама — обычно в те моменты, когда я уже понимала, что натворила, но ещё надеялась, что она не заметила.

— Да.

— Михаил Сергеевич Руднев, нотариус города Зареченска. Вам удобно говорить?

За лобовым стеклом осталась нотариальная контора, из которой я только что вышла.

— Смотря о чём.

— О наследственном деле.

Я подумала, что он ошибся номером. Потом — что это мошенники. Потом он назвал мою дату рождения и имя матери. Марина Сергеевна Воронцова. Я услышала всё остальное — шум машин, дворники на соседнем автомобиле, чей-то смех у входа в кафе. Но перестала различать, что из этого ближе.

— Повторите, пожалуйста.

— Имя матери?

— Нет. Дальше.

В трубке зашелестела бумага.

— Двадцать второго сентября умерла ваша бабушка, Анастасия Григорьевна Воронцова.

Я сунула зонт между сиденьем и дверью, промахнулась и уронила его на пол.

— Понятно.

Ничего мне не было понятно. Последний раз я видела бабушку пятнадцать лет назад. Мне было восемнадцать. Я приехала в Зареченск с одной целью — добиться ответа про маму. Бабушка не ответила. Я кричала в её кухне, а она стояла у окна, сложив руки на груди, и ждала, пока я выговорюсь.

Потом сказала: «Когда придёт время, ты всё равно вернёшься».

Я ушла так, что дверца буфета дрогнула и одна чашка упала на пол. Почему-то именно чашку я помнила лучше лица бабушки.

— Евгения Андреевна?

— Мы не общались.

— Я понимаю.

— Нет, вы не понимаете. Мы правда не общались. Совсем.

— Тем не менее вы указаны в завещании.

Я выпрямилась. На другой стороне улицы Антон наконец открыл заднюю дверь своей машины. К нему подошла Виктория. Я увидела только светлые волосы и руку, которой она придерживала капюшон. Он достал пионы. Я отвернулась.

— Что она оставила?

Руднев сделал короткую паузу.

— Имуущество в Зареченске. Я предпочёл бы обсудить детали при личной встрече.

— Квартира?

— Нет.

— Дом?

— В документах объект проходит как усадебный комплекс. Воронцов постоянный двор.

Я решила, что ослышалась.

— Что именно?

Он повторил. Название я знала с детства — туда меня иногда возили к бабушке. Большой тёмный дом за лесом. В памяти он был огромным, гораздо больше обычного дома.

— Он принадлежал бабушке?

— Полностью. Земельный участок и строения. Совладельцев нет.

— Обременения?

— По выпискам, которые у меня есть, нет.

— Площадь?

Руднев назвал цифру. Тысяча двести восемьдесят четыре квадратных метра. Я повторила её про себя и впервые за весь разговор подумала не о бабушке. Тысяча двести восемьдесят четыре — это не «старый деревянный дом». Это отопление, кровля, электрика, фундамент, десятки окон, инженерия, которую один человек не обслуживает между делом. Даже если половина помещений была нежилой, объект такого размера мог стоить серьёзных денег. Или съедать их так быстро, что лучше сразу отказаться.

— Земля?

- Почти четыре гектара. Точный размер назову при встрече.
- Я потянулась к бардачку за ручкой и записала на обороте чека: 1284 / ~4 га. Потом ниже
- Зареченск. Слово получилось кривым.
- Есть долги по содержанию? Ограничения? Охранный статус?
- Часть вопросов я тоже хотел бы обсудить лично. В завещании есть отдельное возложение.
- Конечно есть.
- Простите?
- Ничего. Говорите.
- До двадцати четырёх часов тридцать первого октября две тысячи двадцать шестого года дом и участок нельзя продавать, дарить, закладывать или иным образом отчуждать.
- На экране телефона было первое октября.
- А после?
- После, если вы примете наследство и остальные условия будут соблюдены, распоряжение имуществом будет вашим.
- Остальные условия?
- Руднев ответил не сразу.
- Полный текст я оглашу при встрече.
- Михаил Сергеевич, вы же понимаете, как это звучит.
- Понимаю.
- Он сказал это без обиды и без попытки придать голосу нотариальную тяжесть.
- Если я откажусь?
- Есть подназначенный наследник.
- Кто?
- Имя также назову при встрече.
- Почему?
- Потому что так будет корректнее.
- Меня это всё равно раздражало.
- Когда?
- Завтра я могу принять вас в шестнадцать.
- Я в Петербурге.
- Прямой поезд прибывает около двух. Успеете.
- Я записала адрес. Уезжать завтра в Зареченск я не собиралась. По крайней мере до того момента, когда посмотрела ещё раз на цифру 1284.
- Хорошо. Буду.
- И ещё одно.
- Я прикрыла глаза.
- Конечно.
- Если по какой-то причине решите сначала заехать к дому, не входите туда одна.
- Экран телефона ничего не объяснял.
- Почему? Он аварийный?
- Нет.
- Там кто-то живёт?
- Насколько мне известно, сейчас нет.
- Тогда что именно должно произойти со мной, если я войду одна?
- Руднев молчал секунды две.
- Анастасия Григорьевна отдельно просила передать эту просьбу.
- До смерти?
- Да.

Я провела ногтем по краю чека. Бумага начала махриться.

— Она была уверена, что я приеду?

— Да.

Меня зацепило слово «уверена».

Я положила чек на синюю папку.

— До завтра, Михаил Сергеевич.

После разговора я несколько секунд сидела, не заводя машину. Антон уже уехал. На месте, где стоял его автомобиль, осталась тёмная мокрая полоса асфальта. Я открыла браузер. Первый запрос набрала неправильно: «Воронцов постоянный двор». Исправила. Сайт городской администрации. Краеведческий портал. Несколько фотографий. Я открыла первую. Дом выглядел больше, чем я помнила.

Два этажа, высокая ломаная крыша, длинная веранда, тяжёлый первый этаж из камня. Деревянная часть сверху потемнела почти до чёрного. По обе стороны от крыльца — окна, много окон; я автоматически начала считать, потом остановилась на двенадцати, потому что фотография обрезала фасад.

Подпись сообщала: «Воронцов постоянный двор. Предположительно 1871 год. Последний сохранившийся постоянный двор Старого Зареченского тракта».

Ниже шла справка: после закрытия дороги здание использовалось как жилой дом; вокруг него существовали местные легенды; будто бы двор продолжал принимать путников и после того, как тракт исчез с карт. Я пролистала. Легенды меня не интересовали. Меня интересовали фотографии, даты ремонтов и хоть какая-нибудь информация о состоянии здания. Нашла галерею.

1913 год.

Перед крыльцом стояли люди — семья Воронцовых, если верить подписи. Мужчины в тёмных костюмах, женщины в длинных платьях, девочка. У самого края кадра — ещё один мужчина. Высокий, в тёмном пальто, чуть в стороне от остальных. Я увеличила изображение. Лицо было зернистым, но различимым: тёмные волосы, прямой нос, выражение человека, которого фотограф отвлёк от чего-то более важного. Подписи перечисляли фамилии.

Последним стояло: «С. Чернов, управляющий постоянным двором».

Фамилия зацепилась, но я не поняла за что. Я открыла следующий снимок. 1998 год. На крыльце стояла бабушка. Я узнала её сразу — по тому, как она держала плечи, будто плохая погода была недостаточно уважительной причиной сутулиться. Рядом стоял мужчина. Я приблизила фотографию. Потом вернулась к снимку 1913 года. Снова к 1998-му. Проверила подписи. Даты. Ещё раз лицо. Между фотографиями было восемьдесят пять лет. На обоих мужчинах было примерно тридцать пять.

## Глава 2. Дом, которого нет на карте

К двум часам следующего дня я уже знала две вещи. Первый клиент окончательно исчез. Второй прислал сообщение: «Давайте вернёмся к концепции на следующей неделе». Денег это не добавляло, зато формулировка была вежливой. Я прочитала её в третий раз, закрыла ноутбук и посмотрела в окно поезда.

За стеклом шёл дождь. Не тот мелкий петербургский, который вчера висел в воздухе, а нормальный октябрьский ливень: вода бежала по окну широкими дорожками, деревья вдоль полотна сливались в серо-жёлтую полосу. Я ехала в Зареченск с одним чемоданом, ноутбуком и синей папкой о разводе, которую почему-то не догадалась оставить у Лизы. Наверное, потому что за последние сутки папки с документами стали подозрительно важной частью моей жизни.

Я собиралась вернуться в Петербург через два дня. Посмотреть дом. Выслушать завещание. Понять, можно ли эту недвижимость продать после тридцать первого октября и сколько придётся вложить, чтобы она не развалилась раньше. Если всё окажется слишком дорого — отказаться, пока решение ещё можно принимать головой, а не из жалости к семейной истории. План был хороший. По крайней мере, в вагоне.

Зареченский вокзал оказался меньше, чем я помнила. Серое двухэтажное здание, новый электронный экран над входом и старая металлическая крыша над платформой, которую я узнала раньше, чем поняла почему. Когда-то мама держала меня здесь за капюшон, чтобы я не подошла слишком близко к краю. Я вспомнила не её лицо. Руку с короткими ногтями и красную нитку на манжете пальто.

Поезд ушёл через две минуты. Шум растворился, и на платформе осталось человек десять — все куда-то быстро разошлись, будто дождь входил в местный тариф отдельно. Я поставила чемодан под навес и открыла карту. Адрес Руднева приложение нашло сразу. До конторы — одиннадцать минут на машине. Адрес Воронцова постоянного двора не нашёлся вообще.

Я ввела название. Ничего. Перешла в другое приложение — там стояла метка примерно в семи километрах от города. Без улицы. Без номера. В лесу. Увеличила масштаб. До определённого места шла обычная дорога, потом тонкая серая линия становилась пунктиром и исчезала. На спутниковом снимке угадывалась старая просека, заканчивающаяся большой тёмной крышей среди деревьев. Тысяча двести восемьдесят четыре квадратных метра недвижимости без нормального подъезда. Смета начинала составляться сама.

Приложение такси нашло машину быстрее, чем я ожидала. Белая «Веста». Сергей. Рейтинг 4,96. До подачи — три минуты. Через две минуты рядом остановился высокий мужчина лет шестидесяти с большим клетчатым зонтом.

— Евгения?

— Да.

— Сергей.

Он взял чемодан прежде, чем я успела возразить, и пошёл к парковке. На правом виске у него был тонкий белый шрам. Двигался он медленно, но чемодан поднял в багажник одной рукой. В машине пахло мокрой тканью, дешёвой мятной жвачкой и автомобильной печкой, которую включили слишком рано и слишком сильно.

— К Рудневу? — спросил он, когда мы выехали с привокзальной площади.

Адрес уже стоял в заказе.

— К нему.

— Потом куда?

— Пока не знаю.

Он кивнул так, будто ответ его устраивал. Зареченск за пятнадцать лет почти не изменился и совершенно изменился одновременно. На месте кинотеатра стояла аптека. Водонапорную башню подсветили снизу белыми прожекторами. Между двумя деревянными домами вырос магазин сетевой косметики с вывеской, которую было видно за квартал. Остановку у школы перекрасили. Липа рядом осталась прежней. Я поймала себя на том, что ищу глазами поворот к маминой улице, и перестала смотреть в окно.

— Воронцова? — спросил Сергей.

Я снова посмотрела на него.

— Почему?

— Фамилия в приложении.

Логично.

— Да.

Он некоторое время молчал.

— К дому потом поедете?

— Возможно. Там дорога действительно заканчивается за два километра?

— После дождя — примерно так.

— Проехать нельзя?

— Можно. Один раз.

Я ждала продолжения. Сергей чуть усмехнулся.

— Потом трактор искать.

— До поворота довезёте?

— Если позвоните — довезу.

Он вынул из кармана у двери небольшую визитку и протянул назад. На белом картоне было напечатано: «Сергей Лапин. Перевозки». Ни логотипа, ни сайта. Только номер телефона.

— Через приложение дешевле, — сказала я.

— Через приложение связь у леса пропадает.

Я убрала карточку в наружный карман сумки. У нотариальной конторы Сергей поставил чемодан под козырёк.

— Если к дому всё-таки сегодня — лучше засветло.

— Из-за дороги?

Он задержал руку на дверце машины.

— В основном.

Сказано было достаточно спокойно, чтобы я не стала спрашивать, что входит в «не в основном».

До встречи оставалось полтора часа. В кафе напротив я вместо работы снова открыла сведения о доме: крыша и водостоки выглядели недавними. Пятнадцать лет без меня не означали пятнадцать лет без ухода.

В шестнадцать без пяти я закрыла ноутбук и пошла через дорогу. Кабинет Михаила Сергеевича Руднева оказался настолько обычным, что я почувствовала облегчение. Светлые стены. Шкафы с одинаковыми папками. Компьютер. Кофемашина. Фикус возле окна с тремя сухими листьями, которые давно следовало убрать. Сам Руднев был мужчиной лет сорока пяти, в синей рубашке и очках с тонкой оправой. Он пожал мне руку, предложил кофе, получил отказ и сразу перешёл к документам.

— Сначала объект, — сказала я. — Потом семейные сюрпризы.

Он едва заметно улыбнулся.

— Разумный порядок.

На стол легла свежая выписка. Земельный участок — три целых восемьдесят семь сотых гектара. Основное здание — тысяча двести восемьдесят четыре квадратных метра. Отдельно

два хозяйственных строения, баня, колодец и объект с назначением «ледник», который я мысленно отложила до момента, когда перестану удивляться самому слову.

— Нежилое?

— Основное здание сейчас зарегистрировано как нежилое.

— Коммуникации?

— Электричество, вода из скважины, автономное отопление. По техническому состоянию лучше смотреть на месте. Анастасия Григорьевна поддерживала дом до последнего.

Вот почему крыша не выглядела столетней.

— Охранный статус?

— Объект включён в муниципальный перечень исторически ценной застройки. Это не федеральный памятник, но по фасаду и отдельным элементам есть ограничения.

Я записала.

— Долги?

— По налогам нет. По коммунальным расчётам — тоже. Обременений, залогов, арестов нет.

— Рыночная оценка?

Руднев снял очки и протёр их салфеткой.

— Свежей нет. С учётом земли и состояния я бы не называл цифру без специалиста.

— Порядок.

Он подумал.

— Десятки миллионов, не единицы. Но это очень грубо.

Я записала оценку. Ещё вчера она выглядела бы спасением. Теперь рядом уже стояли крыша, ограничения по фасаду, почти четыре гектара земли и два километра плохой дороги.

— Теперь возложение, — сказал Руднев.

— Я готова.

Он открыл завещание. Первая часть совпадала с тем, что он сообщил по телефону: до полуночи тридцать первого октября нельзя отчуждать дом и землю. Потом началось то, ради чего нотариусы, вероятно, и научились читать документы совершенно бесстрастным голосом. С первой ночи после моего прибытия в Зареченск и до двадцати четырёх часов тридцать первого октября я должна была ночевать в основном здании каждую ночь без пропусков. Я попросила показать текст. Прочитала сама.

Потом ещё раз.

— Бабушка хотела, чтобы я месяц жила в лесу?

— Завещание требует ночевать в доме. Где вы будете находиться днём, оно не регулирует.

— Спасибо за свободу передвижения.

Руднев пропустил это.

— Важно другое. Само по себе неисполнение такого возложения не означает, что имущество автоматически в следующую секунду перейдёт другому человеку. Здесь могут возникнуть вопросы о действительности отдельных положений, способе исполнения и последствиях. Если потребуется — это уже работа суда.

— То есть можно не ночевать?

— Можно делать всё, что не запрещено законом. Но если вы хотите исполнить волю завещателя буквально, первая ночь — сегодня. Пропуск потом уже не восполнить.

На часах было без четверти пять.

— Очень удобно.

— Для вас — нет.

Он сказал это без улыбки.

— А если я откажусь от наследства?

— Тогда в дело вступит подназначенный наследник, если будут соблюдены предусмотренные законом основания.

— Имя теперь можно?

Руднев повернул документ ко мне.

— Северин Андреевич Чернов.

Я не сразу посмотрела на него. Сначала на строку. Полное имя было напечатано обычным шрифтом. Паспортные данные. Дата рождения. Тридцать семь лет. Я достала телефон. На экране телефона лицо на фотографии 1913 года было видно хуже, чем вчера в машине. Я увеличила. Потом открыла 1998-й.

— Это он?

Руднев наклонился ближе.

— Современный Северин Чернов очень похож.

— Очень?

— Я нотариус, а не эксперт по портретной идентификации.

— Вы его знаете лично?

— Да.

Это оказалось неожиданнее, чем хотелось бы.

— Насколько лично?

— Он мой клиент. Я удостоверял документы с его участием. У него действующий российский паспорт, ИНН, банковские счета, зарегистрированное имущество. С точки зрения реестров Северин Андреевич Чернов — вполне современный гражданин.

— Который выглядит как управляющий этого дома в тысяча девятьсот тринадцатом году.

Руднев посмотрел на снимок ещё раз.

— Да.

Он не стал рассказывать мне про плохое качество старых фотографий. За это я была ему благодарна.

— Родственник? Одинаковые имена в семье?

— Не знаю.

— Он объяснял?

— Я не спрашивал.

— Почему?

Руднев надел очки.

— Потому что люди приходят ко мне удостоверить сделки, а не доказывать право на собственное лицо.

Это тоже было разумно.

Он достал из ящика плотный жёлтый конверт. На лицевой стороне было написано одно слово: «Еве».

Почерк я узнала сразу. У бабушки буква «Е» всегда выходила чуть уже остальных, будто сэкономила место.

— Она просила передать после оглашения завещания, — сказал Руднев.

Я взяла конверт и не открыла. Пока хватало живых людей и официальных документов. С мёртвыми родственниками можно было поговорить позже. Следом на стол легла связка из пяти ключей. Один был старый, длинный, с тяжёлой бородкой. Остальные выглядели значительно современнее.

— Большой — парадная дверь, — сказал Руднев. — Остальные Анастасия Григорьевна не подписала.

— Практично.

— Она была практичным человеком.

— У нас разный опыт.

Я убрала конверт и ключи в сумку.

— Вы вчера просили не входить в дом одной. Что именно вы знаете?

Руднев не отвёл глаз.

— Меньше, чем вам хотелось бы.

— Это я уже поняла.

— Нет, Ева. Я не пытаюсь быть загадочным. Я действительно не знаю, что происходит в этом доме.

Впервые за весь разговор он назвал меня не Евгенией Андреевной.

— Тогда почему предупреждение?

— Потому что ваша бабушка повторила его дважды, когда составляла последние распоряжения. И потому что за двадцать лет практики я видел достаточно людей, которые приезжали к постоялому двору с одним выражением лица, а возвращались с другим. Это не юридический факт. Я не могу положить его в дело. Но проигнорировать тоже не могу.

Он помолчал.

— И ещё потому, что сегодня утром Северин Чернов звонил мне и спросил, приехали ли вы.

Я перестала закрывать сумку.

— Откуда он знал, что я должна приехать?

— Этого я не знаю. Поезд и время встречи я ему не сообщал.

— Что вы ответили?

— Сведения о клиенте без его согласия я не обсуждаю.

— Спасибо.

— Он сказал только: если вы решите ехать к дому сегодня, попросить вас дожидаться его или хотя бы не входить одной.

— Он там живёт?

— Насколько мне известно, нет.

— Ключи у него есть?

— Не могу подтвердить.

— Прекрасно.

Я встала.

— Ева, я бы на вашем месте переночевал сегодня в городе.

— А завтра выяснял в суде, считается ли первая ночь пропущенной?

— Я бы предпочёл этот спор некоторым альтернативам.

Он сказал это слишком серьёзно. Я уже взялась за ручку чемодана, когда из наружного кармана сумки выпала визитка Сергея. Руднев наклонился поднять её быстрее меня. Он посмотрел на карточку. Потом на меня.

— Откуда она у вас?

— Таксист дал. С вокзала меня привёз.

— Какой таксист?

— Сергей Лапин.

Лицо у Руднева изменилось не сразу. Сначала он нахмурился, будто проверял имя в памяти. Потом сел обратно.

— Опишите его.

— Лет шестьдесят. Высокий. Седой. Шрам справа у виска. Белая «Веста».

Руднев положил визитку на стол.

— Я был на его похоронах в феврале.

В кабинете работал кондиционер. Я слышала, как он переключил режим.

— Чьих похоронах?

— Сергея Лапина.

— Значит, родственник. Или кто-то пользуется его карточками.

— Возможно.

Руднев не спорил. Это раздражало сильнее, чем если бы начал убеждать меня в призраках. Я открыла приложение такси. Последний заказ был отмечен красным: «Отменён водителем». Время отмены — 14:07. Я приехала к нотариусу примерно в 14:25.

— Он отменил заказ и всё равно довёз меня за наличные, — сказала я.

Это происходило постоянно. Водители экономили комиссию. Ничего сверхъестественного.

— Вы платили наличными? — спросил Руднев.

— Да.

Я не помнила, выбирала ли этот способ. Но расплатилась точно наличными: две купюры лежали у меня в кармане после кафе меньше, чем должны были.

— Фото водителя есть?

Я открыла отменённый заказ. Карточка профиля уже не показывалась.

— Нет.

Руднев молчал.

— Это ничего не доказывает, — сказала я.

— Согласен.

— Другой человек мог пользоваться машиной, телефоном и визитками умершего.

— Мог.

— И шрамом?

Вот это я спросила зря. Руднев не ответил. Я забрала визитку со стола.

— Хорошо. Если Сергей действительно умер, я выясню это завтра. Сейчас мне нужно увидеть дом, в котором по завещанию я должна ночевать уже сегодня.

— Я поеду с вами.

— У вас приём.

— Перенесу.

Предложение было нормальным. И всё же первой мыслью было отказаться. Мне не хотелось быть женщиной, которую после развода ведут за руку к собственному наследству. Не хотелось ещё до первой ночи подтверждать, что все вокруг правы: одна я не справлюсь. Это была плохая причина. Хорошая тоже нашлась.

— Вы сами сказали, что не знаете, чего бояться. Я не собираюсь бродить по дому после темноты. Посмотрю, есть ли свет, вода, нормальная дверь и место, где можно переночевать. Если нет — вернусь и будем спорить с завещанием завтра.

Руднев посмотрел на часы.

— Тогда хотя бы сообщите мне, когда доберётесь.

— Сообщу.

— И не пользуйтесь номером на этой визитке.

— Вот это обещаю без консультации с юристом.

Второе такси приехало через двадцать минут. Артём оказался лет двадцати пяти, в серой толстовке, и первым делом извинился за грязный коврик на заднем сиденье. Фото в приложении совпадало. Номер машины тоже.

Я отправила Лизе скрин заказа, адрес из выписки и короткое: «Если к десяти не напишу — звони». Она ответила мгновенно: «Куда ты опять влезла?»

Я написала: «В недвижимость».

Это было почти правдой. До развилки мы доехали без разговоров о привидениях. Артём обсуждал ямы, ремонт трассы и то, что навигатор второй месяц предлагает повернуть туда, где весной смыло мостик. Лес начался сразу за последними дачами. Дождь к этому времени

ослаб, но грунтовая дорога успела превратиться в тёмную кашу. Через несколько минут Артём остановился у старого бетонного указателя без читаемых букв.

— Дальше я не поеду, — сказал он. — Не из суеверия. Передний привод.

— Очень ценю уточнение.

Он помог вытащить чемодан.

— До дома километра два. Чуть меньше.

Колёса чемодана были рассчитаны на аэропорт, а не на исторически ценную застройку без подъезда.

— Обратно здесь связь есть?

— Через раз. Если подниметесь метров триста назад — обычно ловит.

Он показал место на карте и уехал. Через первые сто метров я поняла, что чемодан был ошибкой. Через четыреста — что ошибка была дорогой. Колёса забились грязью и перестали вращаться. Приходилось тянуть его почти волоком, выбирая край дороги, где земля была плотнее. Один раз я остановилась, открыла чемодан и переложила ноутбук в рюкзак, потому что характер ударов о камни перестал казаться безопасным для техники. К этому времени я уже больше злилась, чем тревожилась.

Я думала о дороге. О дренаже. О том, сколько будет стоить хотя бы подсыпать щебень до ворот. О том, что гостиница, до которой гости не могут доехать после дождя, — это скорее философская концепция, чем бизнес. Лес закончился неожиданно. Сначала появились чугунные ворота. Одна створка была приоткрыта. За ней шла прямая аллея, выложенная старым камнем, а в конце стоял дом. На фотографии я видела фасад. Вживую первым делом заметила крышу.

Она была в хорошем состоянии. Не «для своего возраста», а просто в хорошем: ровные скаты, целые водостоки, свежие примыкания вокруг труб. Первый этаж из камня, второй деревянный. Окна закрыты, ни одного выбитого. На веранде не лежало осенних листьев, хотя вокруг их было достаточно, чтобы засыпать ступени за неделю. Кто-то здесь работал. Недавно.

Я остановилась под вывеской: «ВОРОНЦОВ ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР. С 1871 ГОДА».

Телефон поймал две полоски сети. Я написала Рудневу: «У ворот. Дошла». Потом Лизе: «Жива. Дом существует». Сделала фотографию фасада и отправила обеим контактам. Ответ нотариуса пришёл первым.

«Не заходите. Я выехал».

Я посмотрела на сообщение. Потом на дом. Если бы он стоял запущенным, с заколоченными окнами и провалившимся крыльцом, я бы ждала. Но в доме явно кто-то бывал. Дорожка была чистой. На крыльце не скопилась вода. Один из водосточных желобов, судя по свежему цвету металла, меняли совсем недавно. Мне нужно было узнать одну вещь: дом вообще пуст или нет.

Я написала Рудневу: «Только проверю вход. Дверь оставляю открытой». Лизе — ещё менее успокаивающее: «Если сейчас пропаду, ругай меня потом». Она ответила звонком. Я сбросила и написала: «Через пять минут перезвоню».

Большой ключ из связки вошёл в замок без сопротивления. Я повернула его. Внутри двери сработал тяжёлый механизм — не старый ржавый щелчок, а нормальный замок, который смазывали. Я открыла дверь и не стала её закрывать. Сначала я почувствовала запах сухого дерева. Потом — свежего кофе.

— Добрый день?

Голос ушёл в большой холл и вернулся слабым эхом. Я осталась на пороге. Прямо передо мной поднималась широкая деревянная лестница. Слева и справа уходили двери. На стенах висели фотографии. Света не было, но из высоких окон хватало серого дневного освещения, чтобы увидеть главное. Возле подставки для зонтов стоял мужской зонт. Мокрый. С края ткани

сорвалась капля и упала на пол. Я посмотрела вниз. От входа через холл шли влажные следы обуви.

Следы были свежими, ещё блестели.

— Есть кто-нибудь?

Телефон в руке завибрировал. Руднев. Я не ответила. Мне уже было ясно, что дом не пуст. Правильным решением было выйти на крыльцо, дожждаться нотариуса и позволить ему самому выяснять, кому принадлежит мокрый зонт. Я сделала шаг назад. Наверху скрипнула доска. Это был не обычный скрип оседающего дома и не ветер: один короткий звук, затем второй — дальше по коридору. Кто-то шёл к лестнице.

Я отступила ещё на полшага и подняла телефон. Связь держалась.

— Я вызову полицию, — сказала я достаточно громко.

Шаги не ускорились и не остановились. На верхней площадке появился мужчина. Высокий. Тёмные волосы. Тёмная рубашка с закатанными до локтей рукавами. Он положил ладонь на перила и посмотрел вниз. Сначала я увидела лицо, а потом узнала не самого человека — изображение с фотографий.

1913 год.

1998-й.

Я вчера увеличивала это лицо пальцами на экране, сравнивала скулы, линию носа, расстояние между бровями. Плохое качество фотографии оставляло место для ошибки. В двух метрах от лестницы — нет. Мужчина посмотрел на открытый за моей спиной вход, потом снова на меня. Удивления в его лице не было.

— Ты опоздала, Ева, — сказал он.

Он начал спускаться.

— На пятнадцать лет.

### Глава 3. Последнее правило бабушки

Я не отступила к машине — машины за спиной не было. Только открытая дверь, мокрое крыльцо и почти два километра дороги, по которой чемодан обратно сам себя не потащит. Мужчина спустился ещё на одну ступень.

Вблизи сходство со старой фотографией становилось не слабее, а хуже. На снимке 1913 года зерно съедало мелкие черты, и я ещё могла придумать родственника, неудачную подпись, семейную привычку давать мужчинам одно имя. Здесь придумывать мешало нормальное человеческое лицо: небольшая складка у рта, тёмная щетина, светлый шрам на костяшке правой руки. Я подняла телефон.

— Северин Андреевич Чернов?

— Да.

Ответ прозвучал сразу. Без паузы, которой я почему-то ждала.

— Вы тот самый Северин Чернов, который указан в завещании?

— Да.

— И на фотографии тысяча девятьсот тринадцатого года тоже вы?

Он остановился. С улицы тянуло влажным холодом. Дверь за моей спиной оставалась открытой, и от этого простого факта было немного легче.

— Да, — сказал он.

Я всмотрелась в него ещё раз. Вот так. Ни загадочной улыбки. Ни истории про прадеда. Ни попытки убедить меня, что я неправильно вижу собственный экран.

— Вам тридцать семь.

— По документам — тридцать семь.

— А без документов?

— Дольше.

Мне захотелось рассмеяться, но я только крепче сжала телефон.

— Насколько дольше?

— Этот ответ тебе сегодня не нужен.

— Это решать не вам.

— Согласен.

Он сказал это так спокойно, что я на секунду сбилась.

— Тогда отвечайте.

Северин положил ладонь на перила.

— Ответ связан с домом, Трактом и тем, что происходит здесь после полуночи. За пять минут это можно либо превратить в сказку, либо в лекцию, которой ты всё равно не поверишь. До ночи тебе нужно знать две вещи. Остальное можешь считать моим отказом отвечать.

Он хотя бы называл это отказом, не прятал за «потом поймёшь».

— Что вы делаете в доме?

— Проверял котёл, воду и аккумуляторы аварийного света. После смерти Анастасии сюда почти каждый день кто-то приезжал. Иногда я, иногда Аглая.

— Кофе тоже входил в техническое обслуживание?

Он посмотрел в сторону кухни.

— Нет. Это уже личная инициатива.

— Ключ от дома у вас откуда?

— Анастасия дала. Лет двадцать назад.

— И не забрала.

— Нет.

— Очень удобно для человека, которому дом достанется, если я от него откажусь.

В лице Северина мелькнула усталость человека, который ожидал именно этого вопроса.

— Поэтому сегодня я уйду, когда ты попросишь.

— Я уже попросила.

— Тогда ухожу.

Он спустился до конца лестницы. Я автоматически отступила в сторону, оставляя ему прямой путь к двери. Северин прошёл мимо, не приближаясь больше, чем требовал коридор. От него пахло улицей и древесной пылью. На пороге он остановился.

— Первое. После полуночи заднюю дверь не открывай. Ни на стук, ни на голос.

— Почему?

— Потому что после полуночи это не выход во двор.

Я перевела взгляд на дальний коридор, где ещё не успела ничего рассмотреть.

— Что значит «не выход во двор»?

— Буквально то, что сказал.

— Отлично. Второе?

— После ноля тринадцати, если в парадную дверь постучат три раза, открой.

— Кому?

— Тому, кто постучит.

— Это не объяснение.

— Это правило безопасного входа.

Я чуть не сказала, что у нормальных людей безопасный вход обычно обеспечивается замком и глазком, но вовремя вспомнила человека на двух фотографиях с разницей в восемьдесят пять лет.

— А если не открою?

— Скорее всего, ничего не случится сразу. Но человек останется снаружи там, где ему не стоит оставаться.

Человек. Он не сказал «гость», «мертвец» или что-нибудь ещё, что помогло бы хотя бы выбрать жанр происходящего.

— Вы сейчас говорите о живом человеке?

— Не всегда.

Вот теперь он действительно замолчал. Я тоже. Северин первым отвёл взгляд.

— Аглая должна прийти до темноты. Она расскажет то, что нужно для первой ночи.

— Вы все заранее знали, что я приеду.

— Анастасия знала.

— Бабушка умерла десять дней назад.

— Она была уверена задолго до этого.

— А вы?

— Я надеялся, что ошибается.

— Почему?

Северин посмотрел на меня внимательнее.

— Потому что если бы ты не приехала, тебе не пришлось бы узнавать остальное.

— Опять решили за меня, что мне лучше не знать?

Он чуть качнул головой.

— Нет. Именно поэтому я сейчас ухожу.

— Пятнадцать лет, — сказала я. — Что вы имели в виду?

Северин уже стоял на крыльце.

— Последний раз ты была здесь пятнадцать лет назад.

— Мы встречались?

— Нет.

— Тогда откуда вы меня помните?

Он задержался.

— Я видел тебя. Ты меня — нет.

— Очень успокаивает.

— Не должно.

Северин спустился на дорожку. Дождь почти закончился. Над деревьями висело серое небо, и до темноты оставалось меньше, чем мне нравилось.

— И фотография? — спросила я. — Вы так и не объяснили.

Он обернулся.

— Нет.

— Но подтвердили.

— Ты спросила факт. Я ответил.

Я не нашлась, что сказать.

— И ещё, Ева.

Вот теперь всё-таки «и ещё».

— Что?

— Если сегодня ночью я скажу тебе бежать, сначала беги. Спрашивать будешь потом.

— Очень удобно устроились.

— Согласен.

Он пошёл к воротам. На полпути я окликнула:

— Чернов.

Северин остановился.

— Почему я должна вам хоть в чём-то верить?

— Не должна.

Он посмотрел на дом, потом снова на меня.

— Проверяй всё, что можно проверить.

И ушёл. Я простояла у открытой двери, пока он не исчез за воротами. Потом закрыла дверь — не на ключ, а просто чтобы перестало тянуть холодом, — и посмотрела на холл уже иначе. Пятнадцать минут назад я оценивала ширину лестницы, состояние пола и высоту потолка. Теперь к списку добавилось: дом обслуживает мужчина с фотографии 1913 года. Даже для исторического здания это было избыточно.

Я начала осмотр, потому что ждать Руднева посреди холла, глядя на лестницу, оказалось хуже. Планировка была старой, но не хаотичной. От центрального холла расходились гостиная, столовая, кабинет и длинный коридор к хозяйственной части. Поздние переделки угадывались по дверным проёмам и разнице в плинтусах. Электрика выглядела обновлённой, радиаторы были горячими, а на потолке в столовой виднелся аккуратно закрытый след старой проводки. Дом не консервировали — им пользовались.

На кухне стояли современная кофемашина, чайник, холодильник и деревянный стол, которому, судя по следам на столешнице, было больше лет, чем всей остальной технике вместе. В раковине сохла одна чашка. Я проверила кран. Вода пошла сразу, горячая — секунд через десять. Котёл действительно работал. Следующий коридор заканчивался дверью во двор. Я поняла, что это она, ещё до того, как подошла.

Массивное полотно, железная накладная вокруг замка, два засова и толстая цепь, закреплённая не декоративными шурупами, а нормальными анкерами в стену. Так запирают не дверь, которую редко открывают. Так запирают дверь, которую кто-то очень не хочет открыть случайно. Я тронула верхний засов. Металл был чистым, без ржавчины. Не открывая после полуночи. До полуночи, следовательно, можно. Я посмотрела на часы. Семнадцать сорок две. Рука уже легла на засов, когда снаружи донёсся автомобильный сигнал.

Я отпустила его и вернулась в холл. Через минуту в дверь постучал Руднев. Он вошёл мокрый, раздражённый и совершенно не похожий на человека, который хотел поддержать местную легенду.

— Вы всё-таки зашли.

— Только проверила вход.

Михаил Сергеевич посмотрел на лестницу, потом на меня.

— Судя по выражению лица, вход проверил вас в ответ.

— Я встретила Чернова.

Руднев снял очки и вытер их носовым платком.

— Я видел его у ворот.

— У него есть ключ.

— Да.

Я уставилась на нотариуса.

— И это вы знали.

— Знал, что Анастасия Григорьевна разрешала ему доступ при жизни. Не знал, что он сохранит ключ после её смерти.

— Небольшая разница.

— Для наследственного дела — вполне существенная. Завтра я попрошу его вернуть все экземпляры или оформить доступ письменно, если вы захотите его сохранить.

Стоило появиться конкретной проблеме, Руднев снова становился нотариусом.

— Я захочу поменять замки.

— Это тоже разумно. Только сначала уточним охранные обязательства по зданию. Парадная дверь историческая.

— Конечно.

Даже мистический дом нельзя было менять без согласований. В это я верила безоговорочно.

— Электричество есть. Отопление есть. Телефон ловит?

Я показала две полосы.

— Пока.

— Остаться здесь всё ещё необязательно.

— Если уеду сейчас, первая ночь будет пропущена.

— Возможно.

— А возможно, нет.

— Именно.

— И выяснять это через суд вы предлагаете мне за собственные деньги.

Руднев вздохнул.

— Когда вы так формулируете, моя рекомендация действительно теряет привлекательность.

— Спасибо.

Он посмотрел на часы.

— Я могу остаться до вечера.

— А ночью?

— Ночью я всё равно уеду.

— Почему?

Руднев на секунду замялся.

— Потому что Анастасия Григорьевна просила, чтобы первую ночь наследница провела здесь без другого живого человека.

— Это в завещании?

— Нет.

— Тогда это не юридическое требование.

— Нет.

— А вы всё равно выполняете.

— Я обещал.

Ответ мне не понравился, но спорить с ним было сложнее. Снаружи слышались шаги.

— Вероятно, Аглая.

Женщина на крыльце была лет шестидесяти пяти, в серой куртке и тёмном платке. В одной руке она держала большую хозяйственную сумку, в другой — ещё один пакет, из которого торчал батон. Она посмотрела сначала на меня, потом на Руднева.

— Уже успел напугать?

— Я старался наоборот, — сказал он.

— Плохо старался.

Аглая вошла, стряхнула воду с рукавов и безошибочно повесила куртку на крайний крючок. Потом увидела мужской зонт в подставке.

— Северин был.

По тону это не было вопросом.

— Был, — сказала я.

— И?

— Ушёл.

Аглая кивнула.

— Значит, слышал.

— Что именно?

— Тебя.

Она забрала сумки и пошла в кухню. Руднев задержался у двери.

— Я буду на связи. Если решите уехать — звоните. В любое время.

— Даже в ноль тринадцать?

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Особенно в ноль тринадцать.

Я записала его второй номер, который работал ночью, и проводила до крыльца. Когда вернулась, Аглая уже выгружала продукты: хлеб, яйца, сыр, картофель, молоко, яблоки, банку варенья, пачку макарон.

— Вы решили, что я приехала на месяц?

— Я решила, что человек, который тащит чемодан два километра по грязи, к вечеру либо поест, либо станет ещё злее.

— Логично.

Она открыла верхний шкаф, достала чайницу и замерла с ней в руке. Всего на секунду.

— Привычка, — сказала Аглая и поставила чайницу на стол.

— Вы здесь работали?

— Когда-то — да.

— А потом?

Аглая начала складывать продукты в холодильник.

— Потом работа кончилась, а я осталась.

— Очень конкретно.

— Конкретнее будет завтра.

Я прислонилась к столешнице.

— Сегодня у всех такой тариф?

Она посмотрела на меня.

— Сегодня у тебя первая ночь. Я могу за два часа вывалить на стол сорок лет чужих бед, и от этого безопаснее не станет.

— А правды станет больше.

— Не обязательно.

Я уже открыла рот, но Аглая указала на мою сумку.

— Анастасия оставила письмо?

Конверт всё ещё лежал внутри. Я достала его. На лицевой стороне было написано «Еве». Бабушкиным почерком, который я не видела пятнадцать лет и всё равно узнала раньше, чем успела подумать. Я села за стол. Бумага была плотной, немного пожелтевшей. Конверт заклеен обычным клеем, без воска, печатей и прочей театральности. Это почему-то оказалось самым неприятным. Я вскрыла край. Внутри лежал один лист.

*«Ева.*

*Если ты читаешь это в доме, значит, хотя бы в одном я оказалась права: ты приехала.*

*До утра тебе нужны не объяснения. Я знаю, как сильно ты ненавидишь эту фразу, и всё равно пишу её.*

*Сначала правила.*

*После полуночи не открывай заднюю дверь. Ни при каких обстоятельствах. Даже если услышишь знакомый голос.*

*Ночного постояльца не спрашивай, откуда он пришёл. Если захочет — скажет сам.*

*Если после 00:13 в парадную дверь постучат три раза — открой.*

*Комнату номер семь не открывай.*

*Если окажешься на Ночном тракте и кто-то назовёт тебя полным именем — не иди за ним.*

*Северину не верь без проверки. Но если он скажет бежать — беги.*

*Остальное Аглая расскажет тогда, когда понадобится.*

*Теперь то, за что ты будешь ненавидеть меня сильнее.*

*Марина не погибла в той машине.*

*Я сказала тебе, что погибла. Это была ложь.*

*Не ищи её сегодня.*

*Сначала переживи первую ночь.*

*Бабушка».*

Я дочитала до подписи и осталась сидеть. Аглая не спросила, что там. Холодильник загудел, набирая температуру после открытой дверцы. На плите тихо начинал закипать чайник. Где-то в стене щёлкнула труба отопления. Самые обычные звуки. Я снова прочитала предложение про маму. Потом ещё раз. Машина ушла с дороги в реку. Это я знала. Её нашли через два дня. Это тоже. Тело матери не нашли.

В тринадцать лет мне объяснили течение, глубину, холодную воду и то, что поиски иногда ничего не дают. Я приняла это объяснение, потому что все взрослые говорили одинаково. Бабушка — особенно. Марина умерла. Два слова, после которых любые вопросы становились плохим поведением. Я положила письмо на стол.

— Она была в машине?

Аглая перестала резать хлеб.

— Нет.

Ответ пришёл сразу.

— Вы уверены?

— Да.

— Откуда?

— Потому что в ту ночь Марина была здесь.

Аглая положила нож.

— Здесь. В этом доме.

— После аварии?

— В ту же ночь.

Я встала так резко, что стул задел ножку стола.

— Тогда почему мне сказали, что она погибла?

— Потому что так решили Анастасия и Марина.

— Мама?

— Да.

Теперь я злилась уже и на маму.

— Она сама решила, что я буду считать её мёртвой?

Аглая не отвела глаз.

— Насколько я знаю — да.

— Насколько вы знаете?

— Я не слышала весь их разговор. Я видела, что Марина была здесь. Видела её до того, как она ушла.

— Куда?

Аглая помолчала.

— На Ночной тракт.

Бабушкино письмо лежало между нами.

— То есть это не название местной легенды.

— Нет.

— И что это такое?

— Не знаю, как объяснить это тебе честно.

Вот этого ответа я от неё не ожидала.

— Вы сорок три года здесь.

— Сорок три.

— И не знаете?

— Знаю, что он приходит к дому после полуночи. Знаю, кого может привести. Знаю, что иногда человек уходит по нему и возвращается, а иногда нет. Знаю правила, которые проверяли до меня. Почему дорога существует — не знаю. Куда именно ведёт — тоже.

Она налила чай.

— Всё остальное будет версиями.

Я не села.

— Мама вернулась?

Аглая опустила чайник и ответила не сразу.

— Я обещала Анастасии не рассказывать тебе остальное до утра.

— Бабушки больше нет.

— Знаю.

— Значит, обещание можно нарушить.

— Можно.

— Тогда нарушайте.

Аглая провела пальцем по краю чашки.

— Не буду.

Я разозлилась.

— Почему?

— Потому что это моё обещание, а не её власть из могилы.

— Очень удобно.

— Нет. Совсем неудобно.

Она села напротив.

— Я не уверена, что Анастасия была права. И не уверена, что Марина была права. Но я сказала, что до первой ночи не буду рассказывать тебе про две тысячи шестой больше того, что

нужно, чтобы ты не открыла неправильную дверь. До полуночи осталось около шести часов. Я проживу с тем, что ты на меня злишься.

Я смотрела на неё и впервые за день не могла обвинить собеседника в том, что он прячет собственное решение за моим благом. Аглая честно выбрала своё обещание вместо моего желания. Это бесило ничуть не меньше. Но было другим.

— Северин был здесь в ту ночь?

— Был.

— Он ушёл за мамой?

— Да.

— Вернулся?

— Да.

— Один?

Аглая посмотрела на меня.

— Вот на этом моё обещание начинается.

Я запомнила формулировку — точную границу того, что Аглая согласна сказать.

— Ладно.

— Не ладно, — сказала она. — Но до утра хватит.

Я села обратно. Чай оказался крепким и слишком горячим.

— Бабушка пишет про комнату семь.

— Не открывай.

— Северин сказал то же самое про заднюю дверь.

— Значит, в этом вы уже нашли одну тему для согласия.

— Не преувеличивайте.

Аглая почти улыбнулась.

— У Анастасии была записная книжка, — сказала она. — Пятьдесят четыре записи о доме и Тракте. Это не пятьдесят четыре закона: половина записей — наблюдения. Некоторые противоречат друг другу.

— Наконец-то система, похожая на реальную жизнь.

— Вот именно.

Она достала из кармана маленькую книжку с потёртой обложкой, но не передала мне.

— Сегодня тебе нужны ещё две вещи. После заката за ворота одна не выходи. Дорога иногда меняется.

— Насколько меняется?

— Настолько, что идти два километра обратно может оказаться плохой идеей.

— Проверено?

— Проверено.

— Хорошо. Второе?

— После полуночи не произноси вслух полное имя. Ни своё, ни чужое.

— Почему?

— Имя там не просто способ позвать человека.

— А что?

— А вот этого никто толком не знает.

Снова. Я начинала ценить слово «не знаю» больше многих объяснений за последние сутки.

— А первая ночь обязательно в одиночестве?

— С живыми — да.

— Это правило или наблюдение?

Аглая задумалась.

— Хороший вопрос. Скорее старое правило, смысл которого никто уже не может доказать. Дом должен признать новую Хозяйку без другого живого человека внутри. Так говорила Анастасия. Так было до неё.

— А если я откажусь?

— Ничего не сделаю. Руднев тоже. Северин, надеюсь, тоже.

— Надеетесь?

— Он иногда слишком хорошо знает, как правильно.

Я посмотрела на письмо.

«Северину не верь без проверки».

— Вы ему доверяете?

— В некоторых вещах — жизнью.

— А в остальных?

Аглая взяла свою чашку.

— В остальных проверяю.

Это было почти теми же словами, что сказал Северин. Мне не понравилось, что они совпали. К восьми вечера темнота за окнами перестала быть просто отсутствием света. Стекло отражало кухню, и лес за ним исчез полностью. Аглая показала мне спальню на втором этаже, щиток, запасные фонари, аптечку и кран, которым перекрывалась вода в хозяйственной части. Последнее я оценила особенно.

Если люди хотят убедить меня в существовании невозможной дороги, полезно хотя бы знать, где отключается водоснабжение. Комната номер семь находилась в конце верхнего коридора. Номер был маленький, латунный. Дверь — обычная на вид. Старое дерево, тёмная ручка, никаких цепей. Я остановилась примерно в трёх метрах.

— Не подходи, — сказала Аглая.

— Я просто смотрю.

— Смотри отсюда.

— Что там?

— Не знаю.

Я повернулась.

— Вы серьёзно?

— Ни разу.

— За сорок три года?

— За все сорок три года — ни разу.

— А бабушка?

— Была.

— Северин?

— Был.

— И никто не объяснил?

— Объясняли. Каждый по-своему.

— Уже даже интересно.

— Вот и не спеши.

Аглая пошла обратно к лестнице. Я ещё секунду смотрела на номер семь. Потом последовала за ней. Перед уходом она проверила заднюю дверь сама: нижний засов, верхний, цепь. Не торопясь, с привычкой человека, который делает это сотни раз.

— После полуночи не открывать, — повторила я.

— Да.

— Даже если знакомый голос.

Аглая задержала ладонь на цепи.

— Особенно если знакомый.

Она надела куртку.

— Я буду недалеко. Телефон может не работать. Если понадобится живой человек — откроешь парадную дверь и крикнешь с порога. На крыльцо после полуночи не выходи.

— А Северин?

— Где-нибудь рядом.

— Вы договорились?

— Мы делаем это давно.

«Мы».

В этом доме у всех было общее прошлое, кроме меня. Аглая открыла переднюю дверь.

— Что будет, если после ноля тринадцати я не открою на три удара?

— Пришедший останется снаружи.

— Северин сказал почти то же самое.

— Потому что это правда.

— И что в этом плохого?

Она посмотрела на тёмную дорожку.

— Зависит от того, кто пришёл.

— Очень содержательно.

— Завтра будешь ненавидеть наши ответы меньше.

— Не рассчитывайте.

Аглая усмехнулась и вышла. Я заперла дверь. На ключ. Потом ещё раз проверила ручку. Заднюю дверь проверила тоже. Проверила её не из веры в правило. Даже если не веришь в пожар, это не повод вынимать батарейку из датчика дыма. Наверху я разобрала чемодан ровно настолько, чтобы достать зарядку, чистую футболку и зубную щётку. Потом вернулась вниз с ноутбуком. Работать оказалось возможно примерно семь минут.

Я открыла проект квартиры на Петроградской стороне, увеличила план санузла и поймала себя на том, что вместо размера душевой считаю двери первого этажа. Парадная. Кухня. Кладовая. Задняя. Комната семь наверху. Я закрыла файл. Потом открыла реестры. Северин Андреевич Чернов действительно существовал в современной реальности с настойчивостью, которой я от него не ожидала. Компания. Земельные участки. Судебное дело пятилетней давности о границе лесного участка. Упоминание в районной газете двухлетней давности: руководитель предприятия, тридцать пять лет.

Фотография в заметке была маленькой. Но это был он. Я сохранила ссылку. Если завтра мир снова станет нормальным, у меня хотя бы останется список вопросов.

В десять написала Лизе: «Я в доме. Тут всё нормально».

Она ответила: «Это ты сейчас мне или себе?»

Я заблокировала экран. В 23:30 прошлась по первому этажу ещё раз. В 23:40 проверила заднюю дверь. В 23:52 сделала чай, хотя второй за вечер мне был не нужен. В 00:03 поймала себя на том, что стою в холле и смотрю на часы.

— Прекрасно, — сказала я пустому дому. — Теперь ещё и расписание соблюдаю.

Дом ничего не ответил. В 00:10 я выключила верхний свет, оставив лампу возле дивана. В 00:12 села. Телефон лежал экраном вверх.

00:13.

Ничего не произошло. Прошла минута. Потом ещё одна. Я почти рассмеялась. Бабушкины записи. Чужая семейная система, которую поддерживали десятилетиями, пока никто не решился спросить, почему. Я встала. В парадную дверь постучали. Один раз. Я остановилась. Через две секунды — второй. Третий удар оказался чуть громче, но скорее от нетерпения, чем угрозы. Я подошла к глазку. На крыльце стоял Сергей Лапин.

Та же тёмная куртка. Тот же клетчатый зонт. Тонкий белый шрам возле правого виска. Человек, на похоронах которого в феврале был Михаил Руднев. Сергей поднял лицо прямо к глазку.

— Евгения Андреевна, — сказал он. — Пустите переночевать?

## **Глава 4. Первый постоялец**

Я

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.